

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Т. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И БАБЁНЫШ-ЯГЁНЫШ

Т. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА и БАБЁНЫШ ЯГЁНЫШ

художник
А. Шах-
Гелдян

«СТРЕКОВА-ПРЕСС» 2003

ББК 84(2)
А 46

ISBN 5-94563-373-9

© Г. Александрова, 2003
© Илл. А. Шахгелдян, 2003
© «Стрекоза-Пресс», 2003

Глава 1

«А у нас в Антарктиде»

— Охти мне, батюшки, охти мне, матушки, — мечется по избе домовенок Кузька, — ставни не покрашены, печка не побелена, на полу бумажка от конфетки валяется. Позор на мои лапти!

Чуть не плачет домовенок. Вот-вот гости на пороге покажутся, а изба еще не в полной готовности. А для домовых самый

страшный позор, если гости непорядок в их владениях заметят. Разнесут гости по всему белому свету весть о бесхозяйственном домовом и будут звать такого домового не-кошным. И лапы ему никто не подаст.

И главное — не так уж и виноват Кузька. Было бы у него время — заставил бы дедушку ставни покрасить, попросил бы бабушку печь перебелить, велел бы Лидочке, внучке их, бумажку с пола поднять. Лидочка была хорошая девочка, но вот никак не могла с бумажками справиться: так они и сигали у нее из рук на пол, так и сигали! Надо сказать, что раньше Кузька дружил со старшей сестрой Лидочки — Анюткой, но сейчас Анютка выросла и перестала замечать домового. Есть у людей такая непонятная особенность: видят их только совсем маленькие, как Лидочка, и совсем старенькие, как бабушка Настасья.

Итак, сейчас у Кузьки не было самого главного — времени. Только сейчас сказала Лидочка, что должен приехать к ним на лето братец двоюродный из города — Матвейка.

— Из города? — перестал на время причитать Кузька. — Не знаю такого. Что это? Далеко это?

Лидочка сама никогда не была в городе, но от бабушки про город слыхала. Правда, она не очень верила во все, что рассказывал дед.

— Город — это такая больша-а-ая деревня. Ну если бы к нашей еще соседнюю приставить. Людей там — видимо-невидимо. И все бегают, как мураши в муравейнике, и все спешат.

— Стоп-стоп, — перебил ее нетерпеливый домовенок, — куда спешат-то? На пожар или в собрание?

— Про пожары бабушка ничего не рассказывал, — немного подумав, отвечает Лидочка, — в собрание, верно. И так спешат они в это собрание, что не успевают не только про здоровье родственников расспросить, но и поздороваться.

— Ух ты! — удивился домовенок.

Уж он-то никогда бы не прошел мимо встречного домового. И про его родных поспрашивал бы, и про своих рассказал. И про Нафаню, и про Сюра, и про Афоньку, и про Адоньку, и про Вокулочку, и про Сосипатрика, и про Лютонюшку, и про Кувьку. Да мало ли родственников у домовенка!

— И так им там, бедным, тесно, что живут они на голове друг у друга.

— Ой, мамочки, — охрип от перепуга Кузька, — прямо так и бегают по улицам? Один снизу, а другой сверху?

— Нет, — успокоила его Лидочка, — бегают они нормально, по-одному, а вот дома друг на дружку ставят.

— И огороды ставят? — не поверил домовенок. — И коровники?

— Нет у них ни огородов, ни коровников, — опустила голову девочка, — негде им клубнички сажать, негде коровок пасти.

— Ой, папочки, — еще больше охрип домовенок, — и такие люди к нам в гости едут?

— Только один такой. И то — маленький.

Задумался Кузька. Это что же получается? Живут они тут, горя не знают, а на свете такое делается! Такое! И никто тревогу не поднимает. Никто не реагирует. Никто спасти городских жителей не бежит. И куда только их домовые смотрят? А он-то за небеленую печь волновался!

— Мы этого вашего Матвейку голубить будем, — решил он, — молочка попробовать дадим, на травку гулять выпустим, коровку покажем.

— Едут, едут, — прервал его крик со двора, — гости едут.

Матвейка оказался совсем не таким, каким представлял его Кузька. Домовенок думал, что приедет чумазенький ребенок с тонкими синими ручками, будет все время бегать по кругу, озираться и пытаться кому-нибудь на голову забраться. А Матвейка был совсем не похож на городского: щеки круглые, уши солидные, взгляд важный, рубаха алая, козырек блестящий.

— Что-то тут не так, — решил Кузька, — никак Баба Яга нашего бедного Матвейку в полон забрала, а этого сытого Бабеныша Ягеныша нам подсунула.

А того не понимает Кузька, что не резон Бабе Яге тощего мальчишку забирать, а толстого отдавать. Тощего-то еще откормить надо — что на жаркое, что на супчик.

Решил домовенок спрятаться до поры, до времени и понаблюдать, что этот щекастый Матвейка делать будет. Для домовенка спрятаться нет никакой трудности. Захочет — в любую щель пролезет, захочет — невидимым сделается. Если успеет. Сделался Кузька невидимым и сел на загнетку, ножки свесил. Ему-то с печки всех видно, все слышно.

Сидит Матвейка за столом, все вокруг него собрались, радуются: бабушка блины

подкладывает, Лидочка сметану поближе пододвигает, дед просто так сидит. Дедушкам не положено за столом хозяйничать. У дедушек других забот полно.

— Да что там ваши куры! — важничает Матвейка. — Есть такие куры, что яйца несут размером с крынку.

— Это в городе? — не верит Лидочка.

Говорили же ей, что в городе места нет для курятников.

— Нет, не в городе, в Антарктиде, — отве-

чает Матвейка. — Страна такая есть на юге. Эти куры и в упряжках бегают, и вместо собак на цепи сидеть умеют. Лаять — не лают, а клонут — мало не покажется.

— Так это не кура, это просто незаменимая животина получится, — завидует дедушка, — вот бы нам такую на двор! А то от Тобика одна польза — гавкает громко, а яиц не несет, в упряжке не бегают. И как же это чудо природное называется?

— Живафа, — отвечает Матвейка, пытаюсь прожевать целый блин, засунутый за щеку.

— А вот и не жирафа, не жирафа! — кричит Лидочка. — Жирафа у меня в книжке есть и кроме красоты от нее никакой пользы — только листья, как гусеница ест.

— Ну не жирафа, — справляется с блином Матвейка, — а страус. Уж и забыть нельзя. До чего же ты, сестрица, придирчивая.

Засмушалась Лидочка: и правда, негоже перед гостем умничать, в неловкое положение его ставить. А Матвейке хоть бы хны. Знай, накладывает себе сметану на блин.

— Ну, Лидочка, развлекай гостя, а я пойду Буренку доить, — поднимается бабушка.

В деревне, конечно, все не бегают, как в

городе, но и сидеть за разговорами времени нету. За бабушкой и дед ушел — кроме него, никто корове и лошадке сена не накосит.

— А я, — решила тоже прихвастнуть Лидочка, — с домовым дружу. И не только с ним, но и с шишигой, и с кикиморой запечной знакома.

— Сказки, — облизал пальцы Матвейка, — в наш век невиданного прогресса науки и техники стыдно верить в бабушкины сказки.

Примолкла Лидочка. И чего это она, право? Человек из города приехал, прогресс науки и техники, может, своими глазами видел, а она ему — про домовых. Про обычных домовых, которых навалом в каждом доме, не то, что жирафов.

— Это я бабушкины сказки? Это в меня стыдно верить? — мечется Кузька на печи. — Ну ладно, я вам всем покажу сказки. Вот устрою забастовку, посмотрю, как вы без моей помощи хозяйство вести будете. И никакие чудо-куры вам не помогут!

Глава 2

Диета для коровы

И устроил. Решил ни во что не вмешиваться. Пусть дом развалится, пусть квашня убегает, пусть кошка сметану лакает — он будет только рад. Раз он «сказки» — справляйтесь сами.

Сидит Кузька на загнетке, лицо гордое, неприступное, ногу на ногу положил, губу отпрянул, глазки лохмотульками завесил.

Ничего видеть не желает! Не желает, а сам подсматривает. Обида-обидой, а интересно. Всего семь веков домовенку, это как семь лет ребенку, а для детей любопытство выше обиды.

— Неправильно вы корову кормите, — выговаривает меж тем Матвейка Лидочке. — Ну что вы получаете от своей коровы?

— Молоко, сливки, сметанку, маслице, — загибает пальчики Лидочка.

— Как, все сразу?

— Нет! — хохочет девочка. — Сразу только молоко.

— Вот-вот, — сердито говорит мальчик, — а все оттого, что не дружите вы с невидан-

ным прогрессом науки и техники. Сто лет коров травой кормили, а ни один не догадался, что если ее на другую диету посадить, то она и газировку давать может, и керосин, и масло подсолнечное.

— Да зачем же нам столько газировки и масла? — не соглашается Лидочка. — Наша Буренка в день три доенки молока дает, масла нам столько не надо.

— А зачем одно масло получать? Сегодня — масло, завтра — газировку, послезавтра — керосину хоть улейся!

— Ой, как здорово это ты, братец, все придумал! — захлопала в ладошки Лидочка. — А чем надо Буренку кормить, чтобы газировка была?

— Думаю, клубникой, — почесал в затылке Матвейка, — в крайнем случае, если не лимонада, то хоть сиропа надоим. Тоже вещь полезная. Так где, говоришь, у вас тут клубника растет?

Взяли ребята по лукошку и выскочили из избы.

— Вот, беда-беда, огорчение! — заголосил Кузька. — Теперь точно зиму без варенья голодать будем. А может, не будем? А может, вместо молока точно сироп пойдет?

Сироп не пошел. Не пошел он и в этот день, не пошел и в следующий. Может, чуть-чуть молоко ягодой пахло, а может, Лидочке так только казалось. Уж очень хотелось верить ей братцу! Даже Кузька несколько раз к крынке подбегал: и на вкус молоко пробовал, и так нюхал — молоко как молоко.

— Это все оттого, что клубники мало, — оправдывается Матвейка, — вот если бы ведер пять-шесть...

— Пять-шесть можно найти, — торопится Лидочка, — если со всей деревни собрать.

— Нет. Клубникой мы ее больше кормить не будем. Не в корову корм, как говорится. Мы пойдем другим путем. Будем изготавливать ряженку. Любишь ряженку?

— Люблю, — жмурится от удовольствия девочка, — сначала молоко надо потомить в печке, да пенки не забывать в молоке топить, потом...

— Е-рун-да! Эдак можно весь день эту самую ряженку делать. Как будто других дел нет. Ряженкой тоже должна заниматься корова. Говоришь, эту самую ряженку заквашивать надо? Чем-то кисленьким? Чего у вас тут кисленькое есть?

Не выдержал домовенок. Успел спря-

тать от городского гостя и уксус, и лимонную кислоту, и щавель на огороде травой закидал — не найдешь. Да вот не догадался в закуток заглянуть. А Матвейка догадался.

— Ура! Наша взяла! Я у вас тут прокисшее варенье нашел. Фу, воняет-то как противно!

— Дедушкиной наливкой воняет, — понюхала Лидочка.

— Может, и наливки подмешаем? — разошелся мальчик.

— Нет, за наливку от дедушки влетит. А варенье все равно испорченное.

— Стойте! Стойте! Не кормите мою Буренку испорченным вареньем, — кричит-надрывается Кузька, да только его никто не слышит.

Люди слышат и видят домовых, только когда верят в них. А Матвейка в него не верил, да и Лидочке не разрешил.

Никак не хотела Буренка забродившее варенье есть. Коровы-то и к свежему варенью без особой симпатии относятся, чего уж говорить о несвежем. Они больше травку любят, цветочки всякие, листья свекольные. Но Матвейку трудностями не испугаешь:

развел он варенье в ведре воды и подставил корове. Она и выпила. Выпила, и такая веселая сделалась! Такая душевная!

Снесла широкой грудью дрын, который выход из коровника закрывал, и давай плясать «Камаринского» на огороде.

— Ой, — кричит Матвейка, — зачем ты мне рецепт до конца не сказала? Я не знал, что молоко для ряженки еще и взбалтывать надо.

— Не надо его взбалтывать, — голосит Лидочка, — это наша корова с твоей диеты с ума сошла!

Перелетели ребята птицами через забор, спрятались в густой траве, не знают, что еще Буренка выкинуть может.

Один Кузька не испугался, некогда ему пугаться: если хозяйство пропадает, то тут уже не до испуга и не до обид.

Зацепился он за хвост сумасшедшей коровы, забрался ей на спину, дополз до уха и просит:

— Буренушка, миленькая, успокойся, пожалуйста.

— Я что? Плохо пляшу? — вытянулась морда у Буренки.

— Ты очень хорошо пляшешь, только на огороде плясать не положено.

— Тогда я на луг пойду, — икнула корова.

— А на лугу уже темно, никто не увидит, как ты прекрасно танцуешь.

— Да? Тогда я спать пойду, — согласилась Буренка, — вот выплюсь, еще не так спляшу.

— Какая-то неправильная у вас корова, — удивляется Матвейка в высокой траве, — совсем не понимает, чего это людям от нее

требуется. Ничего, завтра как надоит с утра бабушка Настасья целое ведро ряженки, еще благодарить меня будете.

Утром Матвейку и Лидочку ждало жуткое разочарование. После утренней дойки бабушка Настасья принесла полдоенки молока, а не ряженки. И Матвейку никто не благодарил, наоборот, бабушка все сокрушалась: почему это Буренка молока дала мало и стоит такая грустная?

А Буренка была вовсе не грустная, просто она стеснялась всем в глаза смотреть. Сидит Кузька у коровки между рогами, жалеет ее.

— Не переживай, Буренка, ты правда хорошо танцевала на грядках.

— Неправда, коровы танцевать не умеют, это тебе каждый скажет.

— Как это не умеют? Как не умеют? Они не только на грядках умеют, но и танцы на льду показывают. Говорят же люди «как корова на льду».

— Правда говорят?

— Честное домовенковское!

— А чего тогда теленок с быком смеются?

— Смеются? Вот я им сейчас задам, — грозит кулаком Кузька, — они просто ничего не понимают в настоящем искусстве.

— Тогда можно я еще раз спляшу на грядках? — робко радуется Буренка.

Кузька даже с головы коровы свалился и шишку набил. Ну вот тебе и раз. Хотел просто успокоить коровку, а получилось, что уговорил ее новый налет на огород сделать.

— Нет, Буренка, — сказал Кузька, почесывая шишку, — пусть это девицы-красавицы на грядках пляшут. А мы с тобой существа серьезные, мы делом заниматься будем.

Глава 3

Очень вредно мучить кошку

А Матвейка не успокаивается. Не получилось с коровой — значит, корова виновата. Несознательная попалась. И вообще, коровы дрессировке плохо поддаются. Кто это, скажите, видел корову в цирке или на поводке у сыщика? Вот если бы собака молоко давала или кошка...

— А чем у вас кошка занимается? — строго спросил он у Лидочки.

— Гостей намывает, солнечных зайчиков ловит, сметану ворует, за хвостом своим бежит, — перечисляет девочка.

— Понятно, — вздыхает Матвейка, — развели тут дармоедов. В Антарктиде такого ни за что не потерпели бы. Будем вашу бесполезную кошку переделывать.

— В кого? — пугается Лидочка.

— В полезную кошку. Вместо сметаны пусть ворует, например... например... например... гусениц! Вон у вас их сколько на капусте сидит! А я слышал, они вредители.

— Не будет наша Фенечка такую гадость есть, — сморщила носик Лидочка, — их даже куры без аппетита клюют.

— Вовсе не гадость. А куры ваши несознательные. Голодные путешественники за гусениц золотом платили, а они ломаются.

— А зачем путешественникам гусеницы? — зажала уши ладошками, чтобы не слышать страшного ответа, девочка.

— Да ты знаешь, что такое гусеница? Гусеница — это не только симпатичный вредитель, но и пять-шесть грамм легкоусвояемого белка. Их можно есть живьем, можно

жарить на прутиках, можно запекать в глине, можно есть под майонезом.

— И что, тебя тоже в городе одними гусеницами кормили? — сглотнула Лидочка.

— Их только умирающие с голоду есть имеют право. А то на всех не хватит, — нашелся Матвейка.

Сидит Кузька на загнетке, слушает, как из его Фенечки умирающую с голоду кошку делать собираются. Решил Матвейка кошку больше не кормить, а в миску ее подкладывать только безволосых гусениц. Проголодается, съест как миленькая.

Но только и Фенечка не лыком шита. Умная кошка никогда не будет гусениц есть, пока в доме мыши не перевелись. Она же не путешественник. Принесут дети по горстке

гусениц, положат в кошку миску и за новой порцией бегут. Пока бегают, гусеницы и расползутся. Радуются ребята, думают, что кошка эту гадость ест. А Кузька бедный с ног

сбился.
Вредите-
ли из дома-
то не уползают.
Зачем им куда-то
уползать, когда в избе
весь подоконник цвета-
ми уставлен? И геранька
тут ароматная, и фиалочки
разноцветные, и алое
полезный.

— Ой, мамочки, — вопит
Кузька, — спасайся, кто
может! Я с этим гостем
жваркнусь скоро или вообще
кувыкнусь. Нипочем мне этих
вредителей одному из дома
не выгнать!

А тут и Лидочка в дом во-
шла. Увидела она, что они
с Матвейкой натворили,
руками всплеснула. На-
до же! Хотели, как луч-
ше, а получилось сов-
сем нехорошо. Даже

хуже, чем с коровой. Помогла она домовенку вредителей с цветов снять, отнесла в темной коробочке, чтобы дорогу не zapomнили, и выпустила подальше от дома.

— Если этот гость еще раз мои цветочки обидит, — кипятится Кузька, — я его на бой праведный вызову. У меня мускулы, дрын и кулаки!

— Он же как лучше хочет, — пытается оправдать братца Лидочка. — Матвейка сказал, что поселит у нас невиданный прогресс науки и техники.

— Сам приехал нежданно-негаданно, и друзей привести решил? — не успокаивается домовенок. — А если друзья у него такие же безобразники? Я с ними один не справлюсь. Ни с Матвейкой, ни с Наукой, ни с Техникой, ни с Прогрессом Невиданным.

Догрозиться Кузька не успел, потому что в избу ворвался Матвейка. Кузька быстро сделался невидимым: Матвейка, конечно, безобразник, но пугать его все-таки не следует. Кто знает, что с ребенком сделается, если он увидит Кузьку? Может, в обморок жваркнется или, как Буренка, на грядки плясать пойдет.

— Я передумал! — кричит с порога мальчик. — Нечего таких замечательных гусениц просто так кошке скармливать. Пусть она их сначала заработает. Будем выдавать поштучно в качестве поощрения.

— А за что будем выдавать поощрение? — радуется Лидочка.

— Дрессировкой займемся. Вот в Антарктиде есть такой клоун, он этих кошек дрессирует с помощью гусениц.

Кис-кис-кис!

Как ни махал руками Кузька Фенечке, как ни корчил рожи страшные, не поняла она его. Подошла все-таки к Матвейке.

И началось. Трясет безобразник перед носом кошки противной зеленой вредительницей и командует:

— Дай лапу, лапу дай!

Кошка, конечно, понимает, что от нее требуется — кошки прекрасно понимают человеческий язык, просто виду не подают, так как это им невыгодно. Понимает, но лапу не дает. Не такая уж она и наивная! Даст ему лапу, а этот вздорный мальчишка ей в лапу эту зеленую пакость и положит.

— Раз лапу не даешь, скажи «мяу». «Мяу»

скажи! Голос! А то не получишь эту аппетитную гусеницу!

«Радость-то какая, — радуется Фенечка, — ни за что мяукать не стану!»

— Ну хоть лапти принеси, — чуть не плачет Матвейка и даже, чтобы попугать немного непокорную кошку, рот открыл и гусеницу над ним держит, будто сам ее съесть хочет.

Смотрит кошка, голову наклонила: интересно ей, как этот странный человек эту гадость глотать будет. Замер домовенок на загнетке: неужели съест Матвейка вредительницу и не отравится? А мальчик взял и не съел. Видимо, только попугать хотел.

Только непонятно кого: вредительницу, Фенечку или всех остальных?

Совсем замучил парнишка кошку. Она уже и рада бы сделать все, что он хочет, только от расстройства у нее все в голове помутилось, даже язык человеческий Фенечка понимать перестала. И лапу дает, и орет, как майский кот, и лапти принести пытается, да Матвейка ее не отпускает.

— Отпусти ее, братец, — жалеет кошку Лидочка.

— Нет. Пока команды путать не переста-

нет, ни гусеницу не получит, ни гулять не пойдет, — разошелся юноша.

Тут уже Кузька не выдержал. Самому-то Кузьке шалить по уставу домовиному не положено: домовята должны за порядком в доме следить, а не шалить, зато других попросить можно. Прокрался Кузька потихонечку под лавку, вызвал шишигу Юльку и шепчет ей что-то на ушко.

— Шлавненько, шлавненько, — захлопала в ладошки шишига, — пошалим!

Маленькая еще шишига, все буквы не выговаривает, шепелявит.

Увлечен Матвейка дрессировкой и не видит, как маленькая шишига клубочек бабушки Настасьи из корзины достала и касается его вокруг мальчика. Шишиги — великие мастерицы чего-нибудь путать. Часто за это кошкам попадает, а напрасно. Нет ничего прекраснее для шишиги, чем запутать волосы у сонных девочек, чем завязать морским узлом все нитки в шкатулке у мамы, чем плести косички на бахrome скатерти. А уж при виде бабушкиной пряжи у них вообще слюнки текут и ладошки чешутся.

Быстро, незаметно шныряет шишига

Юлька в ногах у Матвейки, распутывает бабушкин клубочек и песенку себе под нос бормочет. Тихо так бормочет, чтобы другие шишиги слышали, а мальчик не услышал.

Тот, кто Фенечку обидит,
Света белого не взвидит.
Юльке на тропе войны
И Матвейки не страшны!

А тут как раз мальчик к баночке с червяками и гусеницами потянулся. Хотел шаг в сторону сделать — а ноги-то связаны!

Завалился Матвейка на бок, ногами дрыгает, кричит:

— Это не по правилам! Кто разрешал меня путать? Откуда тут клубок взялся?

Хихикает в кулачок Лидочка, догадывается, чьих лапок это дело, да не признается. Помнит она, как говорил братец, что домовых и шишиг не бывает, боится, что опять смеяться над ней будет.

Барахтается на полу Матвейка, никак ноги выпутать не может, а шишига Юлька забежала к нему за спину, махнула подолом своего сарафана, пыль подняла. В поднимании пыли шишигам тоже равных нет. И пыль они поднимают особенную, от которой чихать хочется.

Бедный Матвейка уже и ногами дрыгать перестал. Лежит, глаза зажмурил, чихает, остановиться не может. А шишига Юлька уже до червяков и гусениц добралась. Бегаёт с баночкой вокруг мальчишки, одну гусеницу ему за шиворот подсунет, другую на живот посадит, третью на пятку голую пристроит. Матвейка чихает, вредители его щекочут, пряжа подняться не дает, а под лавкой Кузька и шишиги все на полу лежат, не хуже Матвейки ногами дрыгают. Только уже от смеха, а не от щекотки.

— Ох и молодец же я! Ну просто золото самоварное, а не домовой, — не нахвалится на себя Кузька, — такую шишигу талантливую воспитал!

— Рада шттараться, — радуется похвале шишига Юлька.

Юлька и правда самая замечательная шишига из всех, что знает Кузька. Ее фотография даже на доске почета шишиг висит. И с задачей своей она справилась прекрасно: пока Матвейка чихал да из пряжи выпутывался, кошка Фенечка спокойно выскользнула себе в дверь.

Глава 4

Шпашайся, кто может!

— До чего же у вас тут животные бестолковые водятся! — возмущается Матвейка, — вот в Антарктиде...

Слушает Лидочка про животных Антарктиды и дивится: и мухи-то у них парами летают, и слоны шляпу при встрече снимают, и коровы крестиком вышивать умеют.

— Жалко, что Фенечка гусениц есть не научилась, — вздыхает она.

— Ерунда, — отмахивается Матвейка, — мы с этими вредителями сами расправимся, без всяких кошек. Только подумать надо. Я буду думать, а ты сиди тихо и мне не мешай.

Стал Матвейка думать. Сначала почесал пальцами в шевелюре, потом поковырял в носу, затем пожмурил глаза и стал смотреть вдаль с умным видом.

Сидит Лидочка тихо, даже дышать боится, чтобы братцу думать не помешать. А Кузька сидеть тихо не умеет. Не в привычке это домовых, сидеть тихо и ничего не делать. Интересно ему, что там еще этот городской Бабеныш Ягеныш придумает. Посидел домовенок на печке, погонял соломинкой таракана на стенке и стал в бирюльки играть. Губу нижнюю выпятит и бренчит по ней пальцем, как на балалайке. Красиво получается, душевно. Так заигрался, что его Матвейка услышал.

— Ты зачем мне думать мешаешь? — спросил строгим голосом он у Лидочки.

— Это не я, — оправдывается Лидочка.

— Как это не ты? Кроме нас в избе никого нету.

«Это домовенок», — хотела сказать девочка, да язычок прикусила. Не верит Матвейка в домовых, только сердиться будет. Погрозила домовенку пальчиком и опять ждать стала.

Кузька тоже притих. Неинтересно играть в бирюльки, когда тобой никто не восхищается. Сел тихонечко на полку, ножки свесил, сидит, муху из меда вылавливает. Выловил, кликнул шишигу Юльку, она муху облизала, чтобы та лететь могла, чтобы крылышки не слипались.

— Лети, муха, в дальние страны, за синие моря, за высокие горы, а к нам больше не залетай, самим меда маловато будет! — кричит Кузька вслед мухе.

— Кто опять тут жужжит? — встрепенулся Матвейка.

— Муха в мед попала, — говорит Лидочка почти правду.

— В ме-е-ед? — протянул мальчик. — В мед! Вот третий элемент для моего изобретения! Тащи сюда мед, зубной порошок и чернила. Будем для вредителей приманку делать.

Вскочила Лидочка с лавки, достала с полки мед, принесла баночку зубного порошка

и пузырек чернил. Смотрит, как Матвейка все это в горшке намешивает.

— Здорово у тебя получается, братец, — нахваливает она, — и густо, и цвет приятный, и пахнет интересно. Жалко только, что бабушка нас наругает, если мы вредителей приманивать будем. Лучше бы нам, наоборот, их с нашего огорода отвадить.

— Да ты че? — аж подпрыгнул Матвейка. — Не понимаешь, что ли? Мы их приманивать не на капусту будем, а на сорняки! Почему они капусту едят? Потому что она сладкая да красивая. А если мы сорняки моим ве-

ществом намажем, то все гусеницы перебегут на крапиву и лопухи.

— Думаешь, перебегут?

— Как миленькие. За рецептом моей смеси к вам еще все соседи ходить будут. Мы с тобой еще на весь мир прославимся. К нам на кораблях из-за моря купцы приедут. Может, даже из самой Антарктиды. У них там с сорняками — сушья беда. Ну просто лезут из земли, как ненормальные. Замучились с ними бедные антарктидцы.

— Ой, как здорово! — захлопала в ладоши девочка. — Значит, мы не только гусениц с капусты выгоним, но и от сорняков избавимся? Вот спасибо нам бабушка Настасья скажет!

Взяли дети горшок со смесью, прихватили по кисточке и в огород побежали. Кузька подумал немного, достал с полки самую маленькую кисть и тоже за ними помчался. Хоть и вредный это Матвейка, а здорово придумал: и вредителей выгнать, и от сорняков избавиться.

Ох и трудная это работа, сорняки чудесной смесью мазать! Смесь хоть и чудесная, хоть и пахнет интересно, но вязкая, липкая и непослушная, как двухнедельные котята.

Стараются ребята. Ни один репейник не пропустят, ни одну лебеду. Очень хочется им бабушке Настасье сюрприз сделать. А больше других домовенок старается: в хороших делах он впереди всех должен быть. Труднее всех Кузьке: надо, чтобы Матвейка не заметил, как он кисточку в горшок макает, надо больше всех сделать успеть.

Жаль, что не хватило смеси на весь огород. Только крапиву вдоль забора вымазали да лебеду в картошке раскрасили.

Стоит лебеда несчастная, листочки у нее слиплись, повисли, да и цвет, если честно, не такой уж и красивый получился.

Смешайте мед с чернилами и зубным порошком — сами увидите. Только чернила обязательно должны быть синие и в пузырек стеклянном, а мед — липовый и незасахаренный.

Посмотрели на свою работу ребята и на речку мыться побежали — сами они не чище той самой лебеды были: слипшиеся и синие. Кто знает, вдруг вредители не на сорняки, а на них самих переползут?

А Кузька с ними на речку не пошел. Домовята в речках не купаются, потому что их русалки за пятки хватают. Щекотно же.

Кузька решил утра дожждаться и в росе искупаться. Пришел домой — чучело-чучелом, весь синий от чернил, на липкий мед дрянь всякая налипла, волосы торчат, как у старого лешего.

— Шпашайся, кто может! — вопит шишига Юлька. — Шмерть наша пришла.

— Я не смерть, я домовенок, — обижается Кузька, — это я от старания такой чумазый.

— Ты не чумазый, ты ужасно страшный! — уже тише вопит шишига. — Может, это все-таки не ты?

— Вот техи-растехи! — горячится Кузька. — Совсем шишиги от рук отбились. Своего родного домовенка не узнают.

— Ура! Это не шмерть наша! Это домовенок наш! — опять громко голосит шишига Юлька. Бросилась она на шею к домовенку, радуется.

— Ой, а ты вкушненький, — говорит, — весь в чернилах, в зубном порошке. А я штрасть до чего чернила люблю. Можно я тебя немножечко пооблизываю? Ну пожа-а-алуйшта!

— Вот еще глупости, — не соглашается Кузька, — иди лучше горшок из-под смеси и кисточки оближи. И то пользы больше будет.

Обрадовалась шишига Юлька, побежала чернила с горшка слизывать, а Кузька отправился ночевать к коровке. Негоже порядочному домовенку грязь в дом нести.

Домовые вообще спать не любят. Скучно им спать, за это время столько дел переделать можно! Но дела ночью делать нельзя — дела шум очень любят, а хозяева шум по ночам терпеть не могут: он Дрему прогоняет и Баюнка пугает. Зато в коровнике шуметь сколько угодно можно — коровка

знай себе жвачку жует, на шум никакого внимания не обращает. За ночь Кузька и бока ей вычистил, и подстилку поменял, и паутину по углам на кулак намотал. Даже запыхался немножко. Зато как только первый лучик солнца у него в носу пощекотал, на огород побежал. За ночь гусеницы вполне могли на сорняки переехать! И с детьми, и с чемоданами, и с кое-какой мебелишкой.

Что ожидало домовенка на грядках! Вредители нарезают себе салат из капусты на завтрак, а на лебеде, крапиве, лопухах дедушкины пчелки с пасеки прилипли. Лапки у них в меду увязли, глазки чернилами залило, зубной порошок нос залепил. Ничего не понимают бедные пчелки: летели на запах меда, а прилетели на верную гибель.

— Ох, беда-беда, огорчение! — всплеснул руками Кузька. — Хотели, как лучше, а получается все хуже и хуже.

— Пчелок жалко, — всхлипнула шишига Юлька. Она тоже рано утром на огород прибежала, — хорошие у наш пчелки были. Не будет у наш больше пчелок.

— Почему это не будет? — не понял Кузька.

— Пчелки такие всегда чиштенькие, такие

нарядные, они лучше шо штыда умрут, чем в таком ужашном виде на пчелы покажутся.

— Ой, мамочки! — подпрыгнул на месте Кузька — Пчелки, милые, не стесняйтесь, пожалуйста, я смотреть на вас не буду. Ты, шишига, за водой беги да других шишиг приводи, что не самые вредные. Будем пчелок от стыда спасать.

До вечера трудились Кузька и шишиги. Каждое крылышко пчелам отмыли, каждую лапку. Пчелки высохли и передумали со стыда умирать. Только чихали еще долго от зубного порошка. Когда он в нос попадает, то от чихания никакого спасу нет.

А Кузька написал объявление — он совсем недавно азбуку освоил — и повесил на забор.

«Дорогие пчелки с недедушкиной пасеки! Предупреждаю: это не мед, а гадость какая-то. Есть и приземляться строго запрещается. Вам же хуже будет.

Домовенок Кузька».

Пчелы, правда, читать не умели, но Кузька-то об этом не знал. Как все дети, только что научившиеся читать, он думал, что если он буквы знает, то и все знать должны. Но пчелы с других пасек и так на липкие сорня-

ки не полетели. Потому что их дедушкины пчелы предупредили.

А сорняки к вечеру завяли. Наверное, тоже от стыда. Очень неприятно быть липким и синим, когда кругом все чистые и зеленые.

Глава 5

Ветродутор

Стыдно домовенку. Настолько стыдно, что он даже на Матвейку Бабенышем Ягенышем не обзывается. Матвейке простиительно, у него жизнь тяжелая: он в городе живет. А вот себе Кузька никак такого промаха простить не может. Целых семь веков живет он на белом свете, а не мог догадаться, что вредители ни за что капусту на чернила не променяют.

Это еще хорошо, что пчелок спасти смогли. А то ушел бы домовенок из своего родного дома куда глаза глядят. Домовые должны в дом покой и счастье приносить, а не беспокойства и безобразия. Это вам любой словоохотливый домовый разъяснит.

— Больше нипочем на провокации этого Матвейки поддаваться не буду, — обещает он шишиге, — я теперь умным стану и прозорливым.

— Уж пожалуйста, штань, — просит шишига Юлька, — а то мне ужаш до чего страшно было пчелок отмывать. Они же до невозможношти кусючие!

— Тогда пойдем за ним вместе следить, — велит Кузька. — Если я вдруг умным не стану, сделаешь мне замечание.

— Ура! — вопит шишига. — Домовенок разрешил мне замечания ему делать! Он меня штаршей шишигой назначил!

Побежали они следить за Матвейкой. И вовремя. Надоело мальчику огородом и домашними животными заниматься.

— Скоро ни огородов, ни животных не будет, — говорит, — будет сплошной прогресс науки и техники.

— А на что он похож, этот прогресс? — робко спрашивает Лидочка.

— На огород и животных точно не похож, — отвечает Матвейка, — а на что похож... Вот смотри, стоит у вас печка. На пол-избы растопырилась, а пользы от нее — всего ничего.

— От печки большая польза, — обиделась

за печку Лидочка, — она тепло дает, в ней еду готовят, на лежанке спать можно.

— И всего-то? — фыркает Матвейка. — А вот если бы у вас был прогресс, то печь бы еще и музыку играла, и белье стирала, и холод летом давала.

— Неправда. Не может такого быть, чтобы печка холод, а не тепло в дом несла, — упрямится Лидочка.

— Не может? А вот спорим, что изобрету я такую штуковину, ветродутор называется, что ветер холодный в дом задувать будет? Представляешь, у всех в избах жарко, а в вашей — прохладненько, как возле речки в тенечке.

Весь день провозился Матвейка, даже купаться с ребятами не ходил. Все ветродутор изобретал. Славный получился ветродутор: блестит на солнышке, лопастями поигрывает.

— Смотри, — объясняет Матвейка, — будет ветер дуть, лопасти будут крутиться, этот ветерок захватывать и в желобок спускать. А уж по этому желобку ветерок будет в печь течь.

— Какой ты умненький, братец! — всплеснула руками Лидочка. — Как все ладненько и ловко придумываешь! Давай быстрее ветродутор на печь прилаживать, пока бабушка

Настасья не вернулась. Вот сюрприз для нее будет!

Сидят домовенок с шишигой под крыльцом, слушают.

— Тебе уже можно замечания делать или еще рано? — притоптывает ногой от нетерпения шишига.

— Нет, я еще прозорливый и умный, — отвечает домовенок. — И мы сейчас этого Матвейку побеждать будем.

— А может, не будем его побеждать? Пусть себе ветер в избу дует, пусть прохладненько будет.

— Ох, тетеха-неразумеха! — сердится Кузька. — А еще шишига называется. Если ветер в печку дуть будет, то куда зола полетит? Быстрее в избу беги, золу в печке ешь. Может, еще успеешь.

Побежала шишига Юлька в избу, залезла в печку, давай золу да сажу горстями в рот напихивать. Шишиги — они такие. Просто жить не могут, чтобы всякую гадость в рот не совать. Торопится шишига, а все равно никак не успевает. Много золы в печке накопилось.

— Давай, давай, наворачивай, — торопит ее Кузька.

— Ой, не могу больше, Кузенька, ой, животик оттопырился, — хнычет шишига, — я же маленькая, в меня много не влезет.

— Охти мне, матушки, — схватился руками за голову домовенок, — пропал я. Сейчас этот ветродутор работать начнет, вечный позор на мои лапти будет.

— А ты быштро тоже что-нибудь изобрети. Пожа-а-алуйшта, — торопит его шишига.

Хоть и интересно посмотреть ей, как зола из печки полетит, — шишиги просто обожают всякие безобразия — а переживает она за друга, знает, что все окрестные домовые смеяться над ним будут, если он такое допустит.

Вспомнил домовенок, как Матвейка думал, и стал думать точно так же: сначала почесал лапками в шевелюре, потом поковырял в носу, затем пожмурил глаза, а смотреть вдаль с умным видом не стал. На это времени уже не оставалось.

— Ну не домовой у нас, а просто добрый молодец! — воскликнул он наконец. — Еще и вдаль не посмотрел, а уже придумал, как ветродутор победить. Просто чудо, а не домовой. И лапти у него самые ладненькие, и рубаха в горошек, и уши большие, и умище

в голове не помещается. Дайте мне зеркало, а то я забыл, что еще у меня самое замечательное.

— Ты не хваштай, а с ветродутором бейся, — делает ему замечание шишига, — а то потом поздно будет.

А придумал домовенок вещь действительно замечательную. Если сам Кузька, шишига Юлька, Кикимора Запечная да кошка Фенечка будут в печку дуть, то ветер они переселят и в избу он не попадет! Разбудили они кошку, вытащили из-за печи Кикимору, приготовились. Кузька голову в печь засунул, слушает, что там Матвейка говорить будет. А мальчик на крыше сидит, с Лидочкой перекликается.

— Готовность номер один, — кричит, — запускаю!

— И вы запускайтесь, — командует Кузька своим друзьям.

Надули щеки сам Кузька, Кикимора Запечная и шишига, стараются. А Фенечка щеки надула, а в печь не дует — кошки вообще дуть не умеют, только признаться в этом стесняются.

— Чего-то не действует, — кричит Матвейка с крыши, — надо тягу усилить!

Дуют Кикимора Запечная, Кузька да шишига, и чувствуют, что слишком сильно Матвейка тягу усилил. Вот-вот пересилит их ветер.

— Я сейчас немного передохну и еще чего-нибудь придумаю, — решает домовенок.

Ох, зря он это сказал, зря дуть перестал! Потому как без Кузькиной помощи ветер в два счета шишигу, Кикимору Запечную и кошку победил. Ворвался ветер в избу, закружил по комнате, плеснул черной золой на полки с посудой, насыпал ее во все углы, припудрил занавески.

Смотрит на все это Кузька и ничего не уз-

нает. Изба на Дом для плохого настроения Бабы Яги похожа, шишига Юлька — вылитый шахтерский домовой, Кикимора Запечная вообще в обмороке на горке золы валяется: подумала она, что печь ее любимая с ума сошла и теперь негде будет ей, бедной Кикиморе Запечной, жить. Болотные ее не примут, у них своя семья. Да и плохо в болоте — промозгло и сыро.

— Доколе терпеть будем? — говорит среди всего этого безобразия Кузька почти громовым голосом. — Кто в доме этом хозяин? Я или этот Бабеныш Ягеныш из города? Ну все. Терпение мое лопнуло. Не буду

больше причитать и за голову хвататься. Буду за свой дом бороться. Я с этим Матвейкой свориться буду. Я этого Матвейку жваркну и задряпаю в два счета. И пусть теперь только скажет, что я — это бабушкины сказки!

Глава 6

Лунный человечек

Забегают в дом Матвейка и Лидочка посмотреть, как ветродутор работает, а в доме что-то невиданное творится. Печка воет непечным голосом, вместе с ветром из нее остатки золы и пепла летят.

— О! Какой классный у меня ветродутор получился, — радуется Матвейка, — скоро к нам повалят соседи, чтобы я им такой же сделал, а может, и из Антарктиды приедут.

— Ой, что ты наделал! — расстраивается Лидочка. — Бабушка Настасья нас теперь заругает.

Не успел Матвейка ей ответить, как деревянная ложка на полке подпрыгнула, упала и прямо мальчику по лбу попала.

— До чего же у вас тут ложки несознательные, — сердится Матвейка, — совсем вести себя не умеют!

А тут и другая ложка с полки прыгнула, а за ней — третья, четвертая! Прикрывается мальчик руками, пытается от ложек-хулиганок закрыться. А ложки словно обиделись, что их несознательными обозвали, так и сигают с полки, так и сигают!

— Скажи им, чтобы не бились, — просит Матвейка Лидочку, как будто она может приказывать ложкам.

Лидочка-то не может, зато может Кузька. Правда, не ложкам, а шишигам, которые эти ложки на Матвейку кидают. Махнул он лапкой, выкатила шишига Юлька мальчику под ноги целую корзину яблок. Ужас, что в доме творится! Кругом зола летает, Кики-мора за печкой трещоткой рулады выдает, сам Матвейка на яблоках скользит и от ложек прикрывается.

— Хватит, Кузенька, хватит, — кричит Лидочка. — Он больше не будет.

А тут и сам Кузька показался. Да не просто выполз из-под лавки, как крысеныш какой-нибудь, а красиво показался, как и положено главнокомандующему над ложками:

верхом на венике. Скачет домовенок по комнате, веник его же собственным прутиком настегивает, подгоняет.

А веник не просто скачет, как кузнечик какой, веник по пути еще и золу в кучу сметает. Веники они такие: для них нет большего удовольствия, чем мусор подметать. Это только некоторые совершенно несознательные элементы считают, что веники нужны для того, чтобы тапочку из-под дивана доставать или кошку гонять.

Увидел Матвейка Кузьку, рот от изумле-

ния раскрыл, ресницами хлопает, даже по яблокам скользить перестал. Больно ему это все необычным показалось. Таращил он глаза, таращил да как закричит:

— Смотри, сестрица, ваш веник сам по избе скачет и еще на себе какое-то чучело тащит.

— Тпру, — осадил коня Кузька, — это кто тут чучело? Это кто меня тащит? Я сам скачу!

— Смотри, сестрица, это чучело еще и разговаривает человеческим голосом! — кричит Матвейка.

— Подумаешь, диво-дивное. Я еще и по-кошачьему могу, и по-лешачиному, и по-французски, — загибает пальчики домовенок, — мы, домовые, все языки как свой родной понимаем.

— И вовсе ты не домовой, — не соглашается Матвейка, — ты вовсе пришелец.

— Это ты пришелец, а я на этом месте почитай семь веков живу и еще семь буду, — важничает Кузька.

— Да я не в этом смысле, — отмахивается Матвейка, — я в смысле, что ты с Луны прилетел. С первого взгляда понятно, что ты лунный человечек.

— Братец, да какой же это лунный человечек, — заступает за домового Лидочка, — это же самый обыкновенный домовенок. А лунных человечков у нас тут отродясь не бывало, как и страусов.

— Ничего ты, сестрица, не понимаешь! — горячится мальчик. — Это он прикидывается домовенком, чтобы его врачихам на опыты не отдали, а на самом деле домовых вовсе не бывает. Я в одной книжке читал.

— Как это не бывает? — так и сел на пол Кузька.

Обидно ему стало. Привык он, что книжки только правду и только про хорошее пишут, а тут, оказывается, живет на свете такая книжка, которая считает, что домовых вовсе не бывает.

— Ну-ка говорите быстро, где эта вредная книжка живет-поживает? Я ей в лицо хочу парочку вопросов задать!

— Книжка в городе живет, в книжном шкафу, — отвечает Матвейка, — а ты можешь не признаваться, что ты лунный человечек. Я сам этих врачих не очень-то люблю. Все бы им уколы мальчишкам делать, да опыты на лунных человечках ставить. Ты лучше скажи, зачем на меня ложки и яблоки натравил?

— А зачем ты в моей избе беспорядки разводишь? — надул губу Кузька.

— А если я опять порядок наведу, будешь со мной дружить?

Задумался Кузька. Надо бы, конечно, поломаться немного из гордости, обиженное лицо построить, да больно глянулся ему Матвейка. Не со злобы ведь он в доме хулиганит, как лучше хотел. А что не получается — так молодой еще, неразумный.

— Давай так: перед тем как придумать что-нибудь научное и техническое, я у тебя разрешения спрашивать буду, — предложил Матвейка.

— Давай, — согласился Кузька.

Приятно ему, что теперь не только шишиги, Баюнок и Кикимора его слушаться будут, но и человек Матвейка.

Глава 7

Чем питается грязеед

— Пойдем в сад, будем рассказывать друг другу про химические элементы, — предлагает Матвейка.

Хочется Кузьке спросить, что такое эти

элементы, да стесняется. Неудобно перед Матвейкой свое невежество показывать. А то еще передумает у него разрешения спрашивать. «Ничего, — думает Кузька, — я умный, сразу пойму — неведомые зверушки или еда такая, эти элементы».

Спасла Кузьку Лидочка.

— Это куда вы собрались? — встала она в дверях. — А кто будет мне помогать избу в порядок приводить? Вернется бабушка Настасья, расстроится.

— И точно, — обрадовался домовенок, — давайте сначала все приберем, а потом про эти говорить пойдем, как их?

— Химические элементы, — напомнил Матвейка. — Только убираться дедовскими способами ниже моего достоинства. Будем убираться вместе с прогрессом.

— А может, ну его? — робко предложил Кузька.

Устал он что-то за последнее время от этого самого прогресса.

— Если бы так, как вы, рассуждали древние люди, то мы до сих пор жили бы в пещерах и ели сырое мясо, — не согласился Матвейка.

Кузька поежился. Не хотел бы он быть до-

мовым в пещере. И за-
гнетки там нет, и хозяе-
ва неряшливые. При-
шлось соглашаться с
мальчиком.

Взял Матвейка де-
душкину гармошку,
проделал в одной из
панелей дырку ножиком
перочинным, вста-
вил в эту дырку тру-
бу от самовара.

— Все! Грязеед го-
тов. Можно приступать к испытаниям.

— А он точно только грязь ест? Домовят-
ками, случайно, не питается? — опасается
Кузька.

— А ты отойди подальше, если трусишь, —
ехидничает Матвейка.

— Я не трушу, — обиделся Кузька, — про-
сто как начнет твой грязеед все подряд ло-
пать, так в доме не то что домовых, ни одной
полезной вещи не останется. Пойдем луч-
ше на задний двор. Там, кроме пыли, ниче-
го полезного нет. Проверим твой грязеед
там, если он меня не слопает, пустим его в
дом. Так уж и быть, пусть в доме грязь ест.

Хорошо работает грязеед! Гораздо лучше, чем ветродутор.

Подставляет Матвейка трубу к пыльному месту, раздувает меха, пыль через трубу так и бежит внутрь гармошки. А обратно не выбегает: как объяснил Матвейка Кузьке, в трубе есть такой хитрый клапан, который грязь в гармошку пускает, а обратно не выпускает.

Ничего не скажешь, понравился грязеед Кузьке. Наверное, ведро пыли на заднем дворе слопал и не чихнул. И Лидочка в полном восторге, даже на месте стоять не мо-

жет: визжит, прыгает и в ладоши хлопает одновременно.

— Теперь можно домой его тащить? — спрашивает разрешения Матвейка у Кузьки.

Еле дотащили они грязеед до избы. Гармошка и так тяжелая, а еще труба от самовара, а еще ведро пыли с заднего двора.

Умаялись. Но отдыхать не стали. Некогда отдыхать, надо порядок наводить: вдруг кто из взрослых раньше времени домой вернется?

Пыхтят ребята: не так просто грязеедить грязеедом, как это может показаться на первый взгляд. Да еще гармошка бывшая орет, как стадо коров, не то от удовольствия, не то от горя, не то просто от того, что Матвейка ненароком на кнопки нажимает.

— А-апчхи, надо бы ему колесики приделать маленькие и, а-апчхи, моторчик на керосине, — пытается перекричать Матвейка гармошку-грязеед, — а вместо трубы самоварной что-нибудь гибкое и не такое тяжелое. Сейчас догрязеедем и сяду думать.

Только успел он слова эти вымолвить,

как — бабах! От гармошки панель отвалилась. Не выдержала, видать. Оно и понятно: гармошки для радости предназначены, для веселья, для песен трогательных и душевных, а никак не для грязепоедания. Видать, расстроилась гармошка, что такая жизнь у нее началась неприглядная, и решила: лучше героической смертью погибнуть, чем жизнью такой невеселой жить.

А самое-то страшное было не в том, что гармошка сломалась, — это ничего, дедушка поругается-поругается для порядку и починит — а в том, что вся зола, которую уже грязеед слопал, и вся пыль с заднего двора в избе оказались, как будто всю жизнь тут и были. Да не просто оказались, а по углам разлетелись и в воздухе повисли.

Чихают ребятки, а Кузька ругается на чем свет стоит:

— Охти мне, матушки, охти мне, батюшки, охти, дедушка, охти, бабушка, и все родственники, охти! Был я раньше добрый молодец, а сейчас стал некошный домовый. Позор на мои лапти, позор на мою рубашечку, позор на мои штанишки!

Но долго ругаться было некогда. Кузька быстро взял себя в руки, выставил из дома

Матвейку, чтобы под ногами не мешался, кликнул всех шишиг, что в хозяйстве водились, и работа закипела! Сам домовенок на венике скачет, шишиги за обе щеки пыль и грязь уминают, Лидочка влажной тряпочкой посуду протирает и листочки на цветах. Заходит в дом бабушка Настасья — а в доме полный порядок.

А гармошку Матвейка сам починил. Оказывается, он не только хулиганить умел, но и пользу приносить. Правда, после его ремонта гармошка все равно не играла, но зато смотрелась как новенькая.

Глава 8

Почему Кузька нервный

Так утомился Кузька в борьбе с изобретениями Матвейки, что против своего обычновения на печке спать завалился. Баюнок от него тараканов отгоняет, Дрема сладкие сны навевает, даже Кикимора за печкой трещоткой не балуется. Уважают домовенка домашние духи, и, пожалуй, не просто уважают, но и любят.

А Матвейка не дремлет. Заманил он Лидочку подальше от дома, чтобы Кузька их не услышал, и говорит ей с важным видом:

— А я знаю, почему наш Кузька такой нервный.

— А разве Кузька нервный? — не соглашается Лидочка.

— Конечно! Все время причитает, руками всплескивает, за голову хватается, изобретениям моим не радуется. Вот я, например, никогда не горюю, если изобретение плохо изобретается. Разве кричал я, когда ветродутор неправильно сработал?

— Пожалуй, не кричал.

— Разве за голову хватался, когда корова на грядках «Камаринского» плясала?

— Пожалуй, не хватался.

— Разве, причитал, когда грязеед сломался?

— Пожалуй, не причитал, — соглашается девочка.

— А все потому, что у меня нервы, как подкова. Из химического элемента под названием «железо».

— Что же делать? — расстраивается девочка. — Как Кузьеньке помочь? Неужели врачихам отдавать на опыты придется?

— Слушай, что я тебе скажу, — перебивает ее Матвейка.

И рассказал он, что Кузька такой нервный и переживательный только из-за того, что давным-давно прилетел на нашу Землю с Луны. Хорошо жилось Кузьке на Луне, любила его лунная мама, обожал лунный папа, ладили с ним лунные сестренки и братишки.

И вот однажды, в один прекрасный лунный денек, решил малыш немного полетать перед сном.

— Разве у Кузеньки есть крылья? — с сомнением в голосе спросила Лидочка.

И Матвейка рассказал, что крыльев у Кузьки не было, а летал он на таком специальном аппарате — летяга называется. Летать на такой летяге можно на огромные расстояния, — вот Кузька и увлекся немножко, вот и долетел до самой Земли.

Правда, пока он гулял, летягу его кто-то себе забрал, вот и пришлось ему на Земле остаться и из лунного человечка в домовенка переквалифицироваться. Ничего не скажешь, богатая фантазия у Матвейки.

— Правда, я где-то слышал, что лунные человечки маленькие и зелененькие, а ваш Кузька совершенно нормальной земной расцветки. Но это, наверное, потому, что он уже давно на земле живет, — закончил свой рассказ Матвейка.

— Бедненький, — размазывает слезы по щекам Лидочка, — а я и не знала, что Кузенька наш от родных отбился. Как же он один, без папы и без мамы?

— Нечего слезы лить, — строго отвечает ей Матвейка, — надо срочно думать, как Кузьку обратно на Луну вернуть.

— А если он на Луну не хочет? А если он у нас привык? — еще громче ревет Лидочка.

Жалко ей с Кузькой прощаться, привыкла она к нему, полюбила.

— Не хочет — заставим. Он еще маленький, сам не знает, в чем его счастье. Только ты ему пока ничего не говори. Вот сделаем летягу, поймаем Кузьку и отправим его на родину.

Сначала он, может, сопротивляться будет и даже покусает нас маленько, но зато потом очень обрадуется и сам нас благодарить будет.

Ой, не нравится Лидочке эта фраза братца! Сколько раз он говорил, что их все благодарить будут, а еще никто не благодарил, а, скорее, наоборот. А что поделать? Кузеньку тоже жаль. Сидят там, на Луне, его лунные родители, ножки с Луны свесили, смотрят в звездное небо и плачут: где-то их сынок скитается? Не голодный ли он? Не испугал ли его кто? Не ободрал ли коленки? Не получил ли «двойку»?

— Я согласная, — решительно вытерла слезы девочка, — давай изобретать летягу. Садись, думай, а я буду от тебя мух и бабушку с дедушкой отгонять.

Матвейка был очень умный мальчик. И летягу он изобрел уже на стадии ковыряния в носу. Притащил с заднего двора старое деревянное тележное колесо, выпросил у кузнеца большую пружину, приволок с речки три больших камня и начал летягу мастерить.

Для начала к центру колеса прикрепил пеньковой веревкой пружину. Потом поло-

жил колесо на землю пружиной вниз, а сверху посадил Лидочку, чтобы пружина сжалась.

— Братец, братец, а я вместо Кузеньки на Луну не улечу? — волнуется Лидочка. — А то я совсем не хочу в лунного домового превращаться.

— Не бойсь, я вес по формуле научной рассчитал: тебя летяга не поднимет, ты толстая.

Обиделась Лидочка, что братец ее толстой обозвал, а браниться с ним боится. Ну а вдруг и ее куда-нибудь отправит? А Матвейка прижал колесо тяжелыми камнями и разрешил Лидочке с летяги слезть.

— Теперь надо только заставить сесть домовенка на колесо и столкнуть камни. Я все рассчитал, летяга точно на Луну прилуниться.

— Ох и красивая у тебя летяга получилась, братец! — восхищается Лидочка. — Неужели Кузька с Луны точно на такой же прилетел?

— Летяги все одинаковые, — со знанием дела отвечает Матвейка, — не волнуйся, сестрица: вот изобрету такую трубу, через которую Луну как на ладони видеть будет, будешь на своего Кузьку каждый вечер любоваться. Обзорная труба назы-

вается. А сейчас спать пошли. Утомился я тут с вами. Одному грязеед изобрети, другого на Луну отправь — замучили совсем.

Только дети уснули, проснулся Кузька. Домовым совсем мало времени надо, чтобы выспаться. Примерно столько, сколько уходит у изобретателя на изобретение и строительство летяги.

Пробежался Кузька по дому, проверил, что все в порядке, и отправился в огород. Дел у домового, как у хозяина и хозяйки вместе взятых. И за порядком в доме следить ему надо, и коровку с лошадкой проводить, и по огороду пробежаться, и шишиг перевоспитать. И как только такой молодой домовенок со всем этим справляется? Уму непостижимо!

Быстро справился со своими делами Кузька и совершенно случайно наткнулся на летягу.

— Ой, каруселька! — обрадовался Кузька. — Видать, пока я спал, Матвейка что-то полезное смастерил.

Нравится домовенку каруселька: маленькая она, как раз для него и шишиг сгодится. Только вот крутиться никак не хочет.

Толкает ее Кузька, толкает — никакого

результата. Наконец догадался домовенок, что работать карусельке мешают те три булыжника, что лежат на ней сверху. Забрался домовенок на тележное колесо, поднатужился и столкнул первый булыжник.

Напрягся и выкинул второй. Эх, если бы он только знал, что это никакая не каруселька, а самая настоящая летяга, то и пальцем бы не притронулся к третьему. Но Кузька этого не знал. Когда строилась летяга, он спал себе спокойно на печке, а Баюнок отгонял от него тараканов...

Утром Матвейка и Лидочка попили молока и побежали к лопухам, где они спрятали летягу. Все было как прежде: так же покачивались в такт ветерку лопухи, так же легкомысленно щебетали птички, так же гоняли крыльями воздух бабочки. Только на месте летяги лежали три больших тяжелых булыжника.

— Все ясненько, — почесал затылок Матвейка, — у наших людей просто удивительная любовь к летягам. Теперь-то ты мне веришь, что Кузькину летягу точно так же стащили, стоило оставить ее без присмотра? Придется строить новую.

— Матвейка, а ты не видел сегодня Кузеньку? — заволновалась Лидочка.

Посмотрели дети друг на друга и бросились искать домовенка. И в мышинные норки покричали, и в лошадиной гриве искали, и даже подсолнухи все проверили: нигде нет Кузьки.

— А Кузенька дома не ночевал, — высунула голову из-под лавки шишига Юлька, — как вечером ушел, так и не вернулся. Шама волнуюсь.

— Это еще кто? — удивился Матвейка.

— Шишига я, — представилась Юлька, —

зовут Юлькою, а фамилию шама не знаю. Раньше не показывалась, потому что штешнялась. Мы, шишиги, больно заштенчивые.

Ничего не понял Матвейка. Кто такая шишига, откуда она взялась, чего под лавкой делает. Но спрашивать не стал. Сначала надо Кузьку найти, а потом спрашивать.

Подумал-подумал Матвейка и говорит:

— Все ясно! Он просто улетел на родину. Увидел летягу, решил, что это нашлась его родная летяга, и улетел.

— Чего же он со мной не простился? — вытирает слезы Лидочка. — Я же к нему привыкла, я же его полюбила.

— Выше нос, — командует Матвейка, — мы сделали великое дело! Теперь он уже дома и рассказывает всем о великом изобретателе Матвее и его сестрице Лидочке.

Послушалась Лидочка, задрала повыше нос и увидела на крыше... летягу! Лежит себе спокойненько летяга на крыше, прочно зацепилась пружиной за конек, а на старом деревянном тележном колесе два аиста гнездо вьют.

— А где же Кузенька? — шепчет Лидочка, — неужели с крыши свалился?

Глава 9

На что клюет счастье

Когда летяга взвилась в ночное звездное небо, Кузька орать не стал. Совсем не потому, что не испугался: кто же не испугается, если обыкновенная каруселька под твоими ногами ни с того ни с сего отправляется куда-то по своим делам? Кузька не стал орать, потому что просто не успел. Полет продолжался всего несколько мгновений, за такое короткое время не только наораться вдоволь не успеешь, но и зевнуть-то толком времени нет.

Опустилась летяга, понятно, не на Луну, а на крышу родной Кузькиной избы. Наверное, не так уж и хорошо рассчитал Матвейка дорогу на Луну. Совсем немного промахнулся. Посидел Кузька на крыше, глазками поморгал, подождал, когда дар речи к нему вернется, и только собрался на Бабеныша Ягеныша из города ругаться, как зашелестели над его головой крылья и сели на крышу рядом два красивых белых аиста.

— Вот видишь, я же говорила, что это колесо уже занято, — печально сказала аис-

тиха супругу, — какой-то воробей лохматый первый сел.

— Простите, — очень вежливо прервал их Кузька, — но я вовсе не воробей. Я вовсе домовый.

— Вот времена пошли, — вздохнул аист, — уже домовые гнезда вить начали. К чему мир катится?

— Простите, — опять очень вежливо прервал их Кузька, — но мне и в избе неплохо живется. А тут я так просто сижу, свежим воздухом дышу, на звезды люблюсь.

— Может быть, на восход солнца? — деликатно поправил его аист. — Звезды уже, кажется, померкли. Утро на дворе.

— Утро? — всплеснул руками домовенок. — Ой, мамочки, а у меня коровка еще не знает, на каком лугу трава слаще. Помогите-ка мне отсюда спуститься. А то я высоты боюсь.

— Так вы уходите? — обрадовалась аистиха. — А не будете ли вы возражать, если мы на вашем месте гнездо сошьем? Если захотите, будете как прежде сюда подниматься, смотреть на звезды, из гнезда это даже удобнее. А потом детки наши выведутся. Я думаю, вы с ними подружитесь.

— Вы? Гнездо?

Только сейчас понял Кузька, какое счастье ему привалило.

Предназначение домового — заманить в дом, в котором он живет, счастье. А каждый образованный домовый знает, что лучше всего счастье клюет на аистов. И дом, крышу которого изберет аистинная пара, никогда уже не покинут радость, веселье и везение.

Как только не заманивали домовые аистов на свои крыши: и крошки хлебные крошили, и картинки красивые рисовали, и вальс-вальс-вальс брызгали — никакого толку. Пролетали аисты мимо их деревни в

другие края. А оказалось, что этим птицам нужны не картинки, не крошки и даже не валерьянка, а простое старое деревянное тележное колесо. Уж больно удобно на нем гнездо вить!

— Оказывается, невиданный прогресс науки и техники может приносить пользу, а не только одно расстройство, — радуется Кузька. — Оказывается, путь к настоящему открытию всегда лежит через безобразия, бабахи и неприятности.

Кузька всегда был добрым домовенком, и для друзей ему было ничего не жалко. Другой бы еще сто раз подумал, отдавать за так свое великое открытие или конфетку потребовать, а Кузька думать не стал. Пробежал он по деревне, в каждый дом стучится, каждого домового вызывает: и совсем стареньких дедушек, и совсем сопливых домовят. Вызывает и рассказывает, что надо делать, чтобы счастье найти.

Шум в деревне, переполох — не так уж и много беспризорных тележных колес валяется, да и с пружинами у кузнеца сложно. Притомился Кузька. Пока все дворы обегал, совсем замаялся, даже про хозяйство свое ни разу не вспомнил.

Какое там хозяйство, когда такое событие случилось! Разве мог представить домовенок, что этот суматошный гость из города приведет в их дом счастье, как собачку на веревочке!

Наконец добрался Кузька и до дома. Волосенки дыбом торчат, язык — на плечо, устал. А тут еще Лидочка подскочила, схватила его на руки, трясет, жмет, как будто он не домовенок, а белье грязное, и она его постирать вздумала. Насилу отбился.

— Где этот гость городской, — кричит, — подайте мне его, как миленького!

— Не сердись на него, Кузенька, он не специально тебя на Луну чуть не отправил, — оправдывает братца Лидочка.

Не слушает Кузька девочку, — бегают по двору, Матвейку ищет. Нашел, на свет выволок, прямо перед собой поставил и низкий поклон отвесил.

— Спасибо тебе, добрый молодец, прости на худом слове. Не знал я, тетеха неразумный, когда Бабенышем Ягенышем на тебя обзывался, что никакой ты не Ягеныш, а очень полезный гость.

Ничего не понимает Матвейка. Ждал он, что Кузька на него опять ложки деревянные

напустит, а дождался похвалы да ласки. Ничего не понимает Матвейка, понимает лишь то, что отчего-то Кузька добрый и совсем не нервный сделался. И, значит, можно к нему опять с предложениями и вопросами приставать. А Матвейка давно хотел к Кузьке с таким вопросом пристать: много ли у них в деревне еще таких лунных человечков живет? Разве мог он поверить, что та самая Юлька, что так забавно шепелявит, обыкновенная шишига? Конечно, не шишига! Конечно, лунная девочка! И ее вместе с Кузькой просто необходимо тоже на Луну отправить.

— Не хочу, не хочу, не бу-у-уду! — кричит шишига. — На Луне мешта мало, она шкользкая, я упаду, ишпачкаюсь, а мыться я не люблю.

— Не упадешь, — успокаивает ее Матвейка, — там притяжение действует, держит, как канатом.

— Так меня на Луне еще и на канат пошадят? И гавкать заштавят? А почему меня, почему меня? Вон Кикимору Запечную не заштавляют на луну, Рушалок-вредин не заштавляют, Лешика не заштавляют, а я должна за всех отдуваться? Нешогластная я, и все тут!

— Если уж ехать на Луну, то всем вместе, — вступается домовенок, — с Бабой Ягой, с Корогушами, с Хмырями болотными, с Криксами, со Злыднями, с Анчутками, с Лихом одноглазым, с Жировиком-лизуном, с Упырями, а еще всех моих родственников прихватить надо: Нафаню, Сюра, Афоньку, Адоньку, Вуколочку, Сосипатрика, Лютонюшку, Кувыку...

— Хватит, хватит, — зажала уши ладошками Лидочка. Она уже знала, что если Кузька начнет перечислять всех своих родственни-

ков, то уже не остановится. — Знаешь, братец, я думаю, что они и правда все на луне не уместятся. А одному Кузьке на Луне скучно будут. Давай их дома оставим, а?

Насилу уговорили Матвейку. И то с одним условием, что Кузька его со всеми своими друзьями познакомит. Матвейка, правда, больше всего хотел Упырей и Хмырей болотных исследовать, но Кузька их не очень любил: нервные они какие-то, всегда в плохом настроении, в отличие от Бабы Яги, еще и покусать могут. А вот лешонка из леса крикнул. Лешик сперва стеснялся, за шишигу Юльку прятался, а потом все-таки подал Матвейке зеленую лапку.

Вот Лешик-то больше всего Матвейке и понравился.

— Теперь я знаю, какие вы, маленькие зеленые человечки! — обрадовался он. — А то в одной книжке вас так рисуют, в другой — эдак. Жалко, что я вообще никак рисовать не умею, только чертежи строю. Надо бы посидеть, подумать и придумать такую машину, чтобы сама рисовала. На что ее направишь, то и нарисует.

— Я ришовать умею, — скромно призналась шишига Юлька, — я так красиво ри-

шую, так красиво, что прямо шьешть ришун-
нок хочется.

Принесли шишиге краски, кисточку, только ничего у нее не получилось. Потому что красок хватило только на хвостик маленького лешего. Остальные краски шишига просто слизала.

Домовенок догадался, что она и рисовать-то напросилсь только для того, чтобы краски съесть, но выдавать ее не стал. Друзей не выдают, даже если они и хитрят.

Оглавление

Глава 1

«А у нас в Антарктиде» 5

Глава 2

Диета для коровы 13

Глава 3

Очень вредно мучить кошку 20

Глава 4

Шпашайся, кто может! 30

Глава 5

Ветродутор 40

Глава 6

Лунный человечек 48

Глава 7

Чем питается грязеед 53

Глава 8

Почему Кузька нервный 59

Глава 9

На что клюет счастье 69

Для младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова
ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И БАВЁНЫШ ЯГЁНЫШ

Сказочная повесть

Художник А. Шахгелдян

Редактор М. Калугина
Художественный редактор Н. Василевская
Компьютерная верстка И. Алексин
Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 25.02.03. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 5.

Гарнитура «Прагматика». Бумага офсетная.

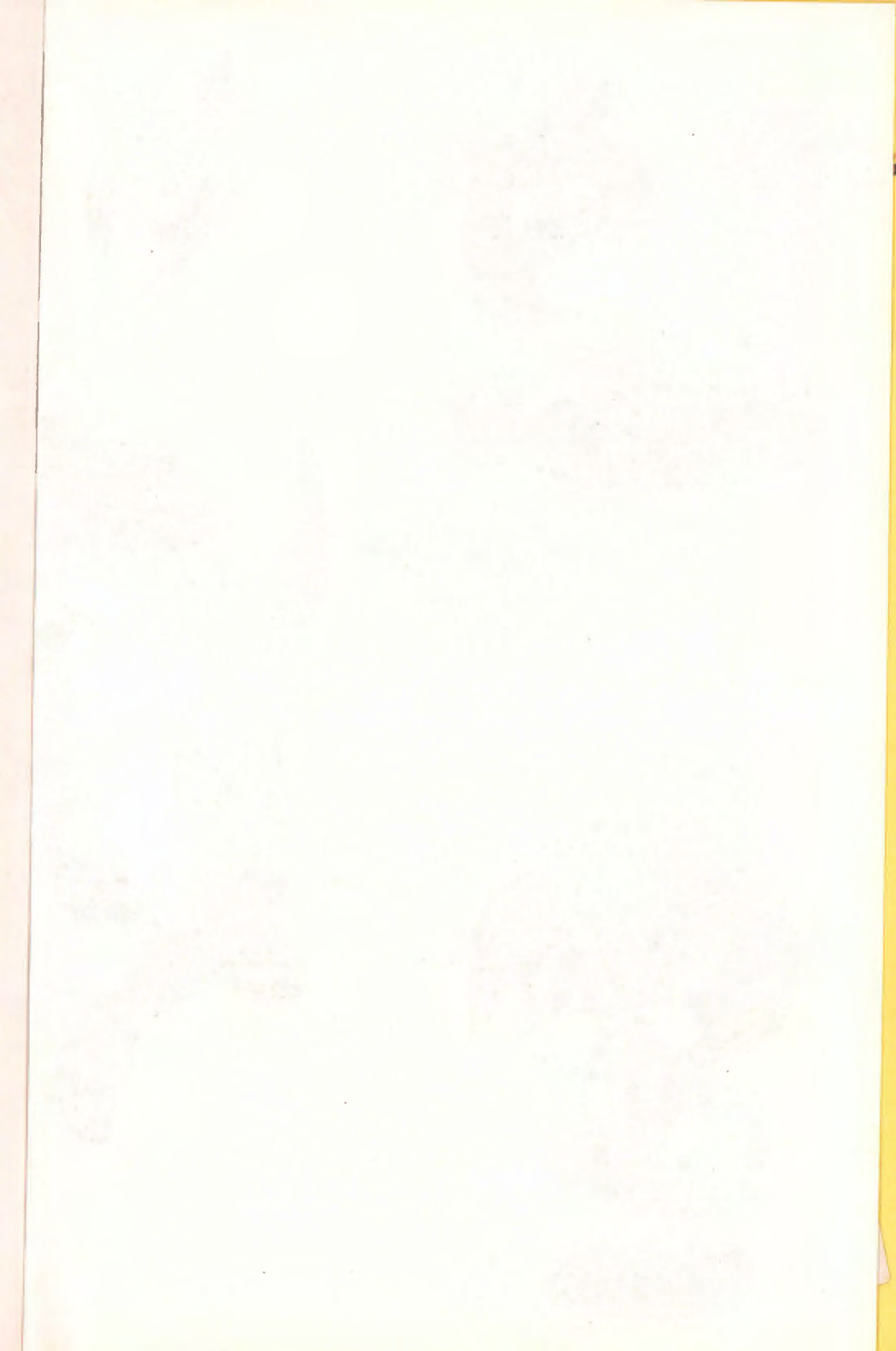
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 735.

«Стрекоза-Пресс», 113054, г. Москва, ул. Бахрушина,
д. 21, стр. 3. (Лицензия ИД № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:
(095) 268-33-90, (0872) 41-06-37
107076, г. Москва, Стромынский пер., 4
E-mail: strekoza@df.ru
www.strekoza.ru

— Шпашайся, кто может! —
вопит шишига Юлька.
— Тише ты, — цыкает Кузька. —
Это я новый способ борьбы
с сорняками опробовал.
Его городской Бабёныш Ягёныш
придумал.

ВШ/ДОМОВЕНОК КУЗЬКА 118
Код: 34863 Цена: 60.60 руб

